

Информация для цитирования:

Васильева А. П. Особенности восприятия образа мира носителей якутского и русского языков (ассоциативное поле слов-стимулов ДЬОЛ — СЧАСТЬЕ) / А. П. Васильева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 9—38. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-9-38.

Vasilyeva, A. P. (2024). Features of Worldview Perception Among Speakers of Yakut and Russian: Associative Field Analysis of Stimulus Words DYOL — SCHASTYE. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 9-38. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-9-38. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Особенности восприятия образа мира носителей якутского и русского языков (ассоциативное поле слов-стимулов ДЬОЛ — СЧАСТЬЕ)

Васильева Алина Петровна

orcid.org/0000-0001-6748-8459

научный сотрудник, Международная научно-исследовательская лаборатория «Лингвистическая экология Арктики»
alinavasilyeva88@gmail.com

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (Якутск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено в рамках реализации гранта Правительства Российской Федерации № 075-15-2021-616 на 2021—2023 годы «Сохранение языкового и культурного разнообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации»; проекта № 9 «Технологическое обеспечение социальной стабильности полиэтнических сообществ на Северо-Востоке России» МНОЦ мирового уровня «Север: территория устойчивого развития» (Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 16.09.2019 г. № 740); проекта «Создание глоссированных корпусов якутского языка и его диалектов на основе лингвистической платформы ЛингвоДок» в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет — 2030»

Features of Worldview Perception Among Speakers of Yakut and Russian: Associative Field Analysis of Stimulus Words DYOL — SCHASTYE

Alina P. Vasilyeva

orcid.org/0000-0001-6748-8459

research scientist,
International Research Laboratory “Language Ecology of the Arctic”
alinavasilyeva88@gmail.com

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by the Government of the Russian Federation, grant № 075-15-2021-616 for 2021-2023 “Preservation of Language and Cultural Diversity and Sustainable Development of the Arctic and Subarctic of the Russian Federation”; Project № 9 “Technological Support for Social Stability of Multiethnic Communities in the Northeast of Russia” of the World-Class Scientific and Educational Center “North: Territory of Sustainable Development” (Decree of the Head of the Sakha Republic (Yakutia), September 16, 2019, № 740); Project “Creation of Glossed Corpora of the Yakut Language and Its Dialects Based on the Linguistic Platform LingvoDoc” under the Strategic Academic Leadership Program “Priority — 2030”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу ассоциативных полей слов-стимулов *дьол* и *счастье*, входящих в ядро языкового сознания носителей якутского и русского языков. Изучение процессов, происходящих в недрах языка, позволит выявить этнокультурную специфику языкового сознания народа — слепок реального образа мира в определенный период жизни этноса. Основное внимание уделяется выявлению общего и специфического в восприятии представлений о счастье носителями двух языков и этнокультурной специфики в их образах мира. Произведен сопоставительный анализ ассоциативных полей слов-стимулов ДЬОЛ — СЧАСТЬЕ по методике «семантического гештальта» Ю. Н. Караулова с выделением семантических зон, определением типов связей между стимулом и реакцией и применением метода количественной оценки близости ассоциативных полей путем вычисления показателя степени наложения реакций. Анализ показывает заметные изменения в ценностных приоритетах носителей якутского языка за последние годы. Если ранее счастье ассоциировалось с семьей, детьми и материальными благами, то в последние годы на первый план выходят такие аспекты, как любимая работа, путешествия, карьерный рост и забота о себе. Это отражает современные социальные тренды, в которых счастье связано не только с материальными аспектами, но и с личным развитием и самореализацией.

Ключевые слова:

образ мира; концепт счастья; языковое сознание; этническая картина мира; ассоциативно-вербальная сеть; ассоциативное поле.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the associative fields of the stimulus words DYOL and SCHASTYE, which are central to the linguistic consciousness of Yakut and Russian speakers. Investigating the underlying processes within language enables us to uncover the ethnocultural specificity of a community's linguistic consciousness — a snapshot of the real-world image at a particular period in the life of an ethnic group. The focus is on identifying both commonalities and distinctions in the perception of happiness among speakers of the two languages, as well as the ethnocultural nuances in their worldviews. A comparative analysis of the associative fields of the stimulus words DYOL — SCHASTYE is conducted using Y. N. Karaulov's "semantic gestalt" methodology, which includes delineating semantic zones, determining types of connections between stimuli and responses, and employing a quantitative assessment method to measure the overlap of associative fields. The analysis reveals significant shifts in the value priorities of Yakut speakers in recent years. While happiness was previously associated with family, children, and material wealth, contemporary perspectives increasingly emphasize aspects such as fulfilling work, travel, career advancement, and self-care. This reflects modern social trends where happiness is linked not only to material factors but also to personal growth and self-actualization.

Key words:

worldview; concept of happiness; linguistic consciousness; ethnic worldview; associative-verbal network; associative field.

УДК 811.161.1*37+811.512.157*37::17.023.34

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-9-38

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Особенности восприятия образа мира носителей якутского и русского языков (ассоциативное поле слов-стимулов ДЬОЛ — СЧАСТЬЕ)

© Васильева А. П., 2024

1. Введение = Introduction

У каждой этнической группы формируется своя индивидуальная этническая картина мира, которую отдельный социум воспринимает через призму опыта, образования, языка и культуры. Центральное место в этнической картине мира занимают этнические (культурные) константы, которые представляют собой основу этнической традиции, ценности общества. Они являются базисными элементами культуры, при расширении внешних границ и изменениях периодов жизни этноса этнические константы остаются неизменными и формируют этническое своеобразие и неповторимость [Лурье, 1997, с. 228].

Согласно утверждению И. П. Конопелько, «изучение представлений о действительности, зафиксированных в языке определенного периода, позволяет, хотя и косвенно, судить о том, каково было мышление народа в этот период», ведь оно «неразрывно связано с языком, который его фиксирует» [Конопелько, 2019, с. 37].

Объектом нашего исследования является языковое сознание, которое определяется как «образы сознания, овнешняемые языковыми средствами» [Тарасов, 2000, с. 27], это «информационный словарь, который хранится в языковой памяти народа» [Носкова и др., 2016, с. 85]. Исследование особенностей языкового сознания носителей разных языков позволяет «выявить как системность содержания образа сознания, стоящего за словом в той и или иной культуре, так и системность языкового сознания носителей той или иной культуры как целого и показывает уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры» [Уфимцева, Тарасов, 2009, с. 21; Уфимцева, 2011, с. 207].

А. А. Леонтьев определяет понятие «образ мира» как «отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными зна-

чениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев, 1993, с. 18]. Образы мира отличаются у отдельного этноса, сообщества и группы, где язык выступает «системой ориентиров в предметном мире», а общее между людьми и их объединяющее находит свое проявление в значениях, представляющих «абстрактные модели, описывающие общие черты в видении мира различными людьми» [Леонтьев, 1997, с. 272—273].

Исследование ассоциативного поля (АП) слов-стимулов ДЬОЛ и СЧАСТЬЕ, входящих в ядро языкового сознания носителя языка, позволяет глубже понять, как представители якутской и русской культур воспринимают и осмысливают концепт счастья, и выявить когнитивные и культурные особенности, присущие разным этносам, специфику их мировоззрения и менталитета.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Категория счастья является важной для понимания культурных особенностей и национального характера, поскольку её восприятие и выражение могут значительно различаться в разных этносах.

Счастье является одной из фундаментальных категорий, изучаемых на протяжении многих веков в философии, психологии, социологии и лингвистике. Учёные рассматривают счастье как многогранное явление, включающее в себя эмоциональные, когнитивные и культурные аспекты. В философии счастье часто связывается с идеей высшего блага и морального удовлетворения [Аристотель, 1984; Бентам, 2009], тогда как в психологии акцент делается на субъективном благополучии и удовлетворённости жизнью [Динер, 1984; 2008]. Социологи исследуют счастье как социальный феномен, изучая его зависимость от различных факторов, таких как уровень жизни, социальные отношения и культурные ценности [Венховен, 1991; Инглхарт, 1997].

Лингвисты, в свою очередь, обращают внимание на то, как понятие счастья выражается в языке и отражается в сознании носителей различных языков и культур [Вежбицкая, 1996, 2004; Воркачев, 2004; Колесов, 2014; Карасик, 2004; Маховиков, 2011 и др.]. Исследование концепта счастья в русском языковом сознании и различных культурах проводилось многими учеными [Сегал, 2005; Хамидуллина, 2013; Павлова и др., 2015; Черкашина, 2016; Беккулова, 2021].

Исследованию концепта СЧАСТЬЕ как важного элемента культурной и языковой картины мира посвящена работа С. Г. Воркачёва. Автор рассматривает способы выражения и понимания счастья в языке и культуре, трактуя его как сложное и многогранное явление. Он отмечает, что кон-

цепт СЧАСТЬЕ объединяет в себе разнообразные когнитивные, эмоциональные и культурные элементы, отражающие особенности национального восприятия мира. По мнению исследователя, понимание счастья тесно связано с культурными нормами и ценностями, а также с историческими и социальными контекстами [Воркачев, 2004]. Д. В. Маховиков изучал культурно-специфические особенности восприятия счастья в русской и французской культурах, выявив, что русское понимание счастья связано с судьбой и духовным удовлетворением, а французское — с личным комфортом и материальным благополучием [Маховиков, 2011]. Изучению представления французов и русских о важных мировоззренческих категориях, базовых эмоциях, в том числе о счастье, посвящена работа М. К. Голованивской [Голованивская, 2009]. Янь Кай и Чжан Бинь на основании исследования ассоциативного поля лексемы *счастье* в русском языковом сознании выявили культурно насыщенные когнитивные признаки на основе анализа современных контекстов из Национального корпуса русского языка [Янь Кай и др., 2023]. З. К. Дербишева в исследовании моделирования виртуальной конфигурации концепта СЧАСТЬЕ рассматривает понятийный, семантический, собственно-когнитивный и образный компоненты, раскрывает актуализацию таких лингвокультурных кодов в метафорических образах и фразеологизмах, как антропоморфный, зооморфный, темпоральный, код световой энергии, пространственный, предметный и др., через которые воспринимается счастье в русском сознании [Дербишева, 2020].

Ряд современных исследований посвящён вербализации концепта СЧАСТЬЕ в различных языках и сравнительно-сопоставительному анализу лингвокультур, включая изучение на основе данных ассоциативных экспериментов [Евсеева, 2018; Филиппова и др., 2018; Яо Жун, 2019; Абильдинова, 2021; Овсепян, 2023; Кажарова, 2024 и др.].

Рассмотрению представления о счастье и несчастье в якутской лингвокультуре посвящена диссертация А. А. Скрябиной. Метафорическое осмысление концептов основано на традиционных воззрениях, которые передают религиозные и мифологические взгляды якутского народа, где счастье и несчастье рассматриваются как взаимодополняющие элементы. Исследователь анализирует мировоззрение якутов через их паремиологическое наследие, фольклорные песни и литературные произведения. В работе отмечается, что метафоризация концепта ДЬОЛ включает антропоморфные черты, такие как способность двигаться, любить, а также природные и космические символы — от животных (птица-стерх, олень) до природных явлений и небесных тел, что подчеркивает его сакральную и универсальную природу. Эти образы подчеркивают глубокую связь

счастья с мифологическим миром якутов: оно воспринимается как часть естественного порядка, связанного с окружающей природой и космосом. Одним из этапов исследования А. А. Скрыбиной является анализ содержания концептов ДЬОЛ «счастье» — СОР «несчастье» по результатам проведения направленного ассоциативного эксперимента. Так, автор приводит анализ реакций якутов на слово стимул *дьол* «счастье» с точки зрения частотности ответов, рассматривая возрастные и гендерные особенности респондентов. Выяснено, что счастье в представлении носителей якутского языка предполагает сочетание традиционных ценностей (семья, здоровье) и современных понятий (карьера, материальный достаток) — с учетом влияния национальной культуры, природных условий, а также глобализации, с различиями в восприятии между поколениями и полами [Скрыбина, 2021].

Изучение образов сознания носителей якутского и русского языков, имеющих разную структуру и находящихся в длительном языковом и культурном контакте, остается актуальным и позволяет глубже понять влияние языка на мышление, культурные взаимодействия и этническую идентичность.

В нашей работе предпринята попытка сравнительного изучения ассоциативно-вербальных полей и анализа ядра языкового сознания обеих групп, что предполагает возможность определить общее и специфическое в языковом сознании носителей языков, выявить «постоянные и неизменные элементы этнической картины мира, составляющие как «центральную зону» культуры, так и новые элементы новой картины мира этноса, формирующейся в новых условиях» [Боргоякова, 2002, с. 31].

Один из эффективных способов определения того, что системность культуры осознается его носителями на интуитивном уровне, и есть «овнешнение образов сознания» [Уфимцева, 2003, с. 104], что предполагает проведение массового ассоциативного эксперимента. Данная методика заключается в выделении слов-стимулов и регистрации первых ответов-реакций (ассоциаций) испытуемых на данные стимулы. Ассоциативные связи слов и словоформ, полученные в результате массового свободного ассоциативного эксперимента, демонстрируют систему тесного переплетения каждого слова в нашей памяти, что образует ассоциативно-вербальную сеть (АВС).

В результате проведения якутскими исследователями массового свободного ассоциативного эксперимента с 2005 по 2010 годы в Северо-Восточном федеральном университете (СВФУ) им. М. К. Аммосова и в его филиалах в городах Мирный и Нерюнгри был составлен Ассоциативный словарь якутского языка [Заморщикова и др., 2012], структура которо-

го включает прямой (стимулы — реакции) и обратный словаря (реакции — стимулы). Данный словарь, представленный в виде многомерной ассоциативной сети, в нашем исследовании мы рассматриваем в качестве модели языкового сознания носителя языка. Так, в результате анализа Обратного словаря впервые выявлено ядро языкового сознания современных носителей якутского языка. В рамках исследования проанализированы первые 50 слов-реакций (ассоциатов), которые структурируют «центр» ядра языкового сознания, «формируемый из тех слов (идей, понятий, концептов) в АВС, которые имеют наибольшее число связей, то есть вызваны в качестве ответов на наибольшее число стимулов» [Караулов, 2000].

В рамках данной статьи произведен сравнительный анализ ассоциативных полей слов ДЬОЛ — СЧАСТЬЕ, которые имеют высокие ранги и входят в центр ядра языкового сознания носителей языков. Материалы для анализа извлечены из Прямых ассоциативных словарей, где данные слова рассмотрены в качестве слов-стимулов.

Для релевантного сопоставления нами выбран вариант ядра русского языкового сознания, которое было впервые выделено Н. В. Уфимцевой по данным Славянского ассоциативного словаря [САС, 2004], из-за сходства стимульного контента и количественных характеристик.

Для анализа ассоциативных полей слов-стимулов ДЬОЛ — СЧАСТЬЕ применен метод «семантического гештальта» Ю. Н. Караулова [Караулов, 2000]. Н. С. Сергиева подчеркивает, что в этнокультурных исследованиях границы между различными зонами не являются строго фиксированными. Это объясняется не только разнородностью исходных данных и различиями в методах классификации, но и использованием гештальт-подхода. Гештальт, являясь единицей знаний, отражающей реальную структуру, отличается сложностью, целостностью, функциональностью и адаптивностью. Эти свойства делают семантический гештальт действенным инструментом в межкультурных исследованиях, позволяя максимально эффективно извлекать информацию при сопоставлении данных различных языков [Сергиева, 2006, с. 162].

Анализ результатов ассоциативного эксперимента включает определение типов связей между стимулом и реакцией в ассоциативных полях слов-стимулов ДЬОЛ и СЧАСТЬЕ. Исследователи выделяют в основном два типа связей S-R в ассоциативном поле — синтагматическую и парадигматическую [Meara, 1982; Menenti, 2006]. Синтагматическая ассоциация — это связь, которую можно проанализировать, рассматривая слова, появляющиеся до или после слова-стимула. Парадигматическая ассоциация относится к словам, которые принадлежат к тому же классу слов, что

и стимул, и могут заменять его. Основным критерием для категории парадигматической ассоциации является то, что слово-реакция должно иметь семантическую связь со стимулом [Pranoto, Afrilita, 2018, с. 27]. Исследователи рассматривают более детальные разновидности классификации вербальных ассоциаций, выделяя такие виды, как тематические, фонетические, грамматические, цитатные, словообразовательные и т. д. [Мартинович, 1990; Клименко, 1974; Овчинникова, 2006; Горошко, 2001]. Соглашаясь с Д. И. Навильниковой, следует отметить неоднозначное отношение и взгляды на изучение сущности синтагматических и парадигматических связей между стимулом и реакцией, что связано со «сложностью интерпретации ассоциативных реакций, не согласующихся с исходными словами по формально-грамматическим признакам, неоднозначностью отнесения стимула или реакции к определенной части речи, пропусками служебных слов, невозможностью толкования словообразовательных и фонетических ассоциаций с позиций синтагматики и парадигматики» [Навильникова, 2009, с. 201—202]. В нашей работе в рамках анализа отношений слов как части изучения ядра языкового сознания мы ограничиваемся рассмотрением традиционных типов связей стимула и реакции — парадигматических и синтагматических.

Следует добавить, что в отдельных случаях могут возникать затруднения при определении лексико-грамматических свойств ассоциатов в якутском языке, что осложняет процесс распределения и классификации реакций по различным семантическим зонам, а также, возможно, по типам связей. Это обусловлено особенностями якутского языка, где одна и та же лексема в ассоциативном поле может принадлежать сразу к нескольким частям речи, следовательно, и к категории полисемантических (иногда и омонимичных) слов, следовательно, по смыслу возможно рассмотрение нескольких вариантов значений слов, поскольку невозможно четко предугадать, какой лексико-семантический вариант приписывал слову респондент, давая ответ на то или иное слово-стимул. Несмотря на возникающие спорные моменты, в рамках исследования это явление не внесло грубой неточности в выявлении результатов. Данное направление требует дальнейшего более детализованного рассмотрения. По мнению Ф. Н. Дьячковского, при изучении лексической полисемии необходимо учитывать все аспекты парадигматических и синтагматических связей значений многозначных слов, поскольку они проявляются по-разному в различных частях речи. В якутском языке степень изученности типов многозначности варьируется и требует дальнейших исследований полисемии, связанной с генетическим происхождением слов и особенностями их реализации в контексте [Дьячковский, 2003, с. 78].

Для установления уровня смысловой близости значений в АП стимулов ДБОЛ — СЧАСТЬЕ применен метод количественной оценки близости ассоциативных полей путем вычисления показателя степени наложения реакций. Данный метод, предложенный Дж. Дизом для количественной оценки сходства ассоциативных полей разных стимулов, описан в работе авторов А. А. Григорьева и М. С. Кленской [Григорьев и др., 2000]. Подход основывается на анализе пересечения распределений ассоциативных реакций испытуемых на два различных стимула. Предлагается расширить этот метод для оценки сходства распределений ассоциативных реакций на один и тот же стимул, полученных от различных групп испытуемых [Там же].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Семантические гештальты ассоциативных полей слов-стимулов ДБОЛ — СЧАСТЬЕ

Слово ДБОЛ имеет монгольские параллели и изначально связано с понятием дороги, удачи в пути и судьбы, в словаре Э. К. Пекарского определяется как «благо, благополучие, блаженство, счастье, фортуна удача; добыча; сокровище» [ПЭК, 1959, стлб. 838]. Исследователи предполагают, что это тюркское слово вошло в монгольский язык с изменённым значением и было заимствовано обратно в ряд тюркских языков, включая якутский [Филиппова и др., 2018, с. 371].

Понятие счастья в русском языке претерпело значительную эволюцию. Изначально оно ассоциировалось с долей и коллективным участием, что отражало характерную черту русской культуры — её коллективистскую природу. В современной культуре данное понятие приобретает индивидуальный характер, ориентированный на внутреннюю радость и личные эмоциональные переживания. Таким образом, кардинальные изменения в культурной и социальной обстановке России привели к трансформации концепта счастья, наделив его новым аксиологическим статусом [Тимофеева, 2020, с. 188—189].

Сравнение ассоциативных полей слов-стимулов ДБОЛ — СЧАСТЬЕ с выделением семантических зон предполагает анализ количественного и содержательного наполнения семантических зон, по которым распределены слова-реакции, данные респондентами на слова-стимулы.

Приведем список первых 10 слов, которые представляют ядро языкового сознания якутов и русских, здесь же приведены данные по рангу и количеству разных связей (табл. 1). В якутском ядре слово *дьол* имеет 2,5-й ранг, а в русском ядре слово *счастье* находится немного дальше и имеет 9-й ранг.

Таблица 1

Сравнение ядра якутского и русского языкового сознания

	<i>Ранг</i>	Якутское ядро Ассоциат/перевод	Число разных связей	<i>Ранг</i>	Русское ядро	Число разных связей
1	1	киһи / человек	110	1	жизнь	54
2	2,5	дьол / счастье	86	2	человек	53
3	2,5	кыыс / девочка, девушка; дочь	86	3	любовь	52
4	4	олох / жизнь	84	4	радость	49
5	5	үчүгэй / хороший; добро	80	5	дом	48
6	6	куһаҕан / плохой; плохое, зло	67	6	хорошо	47
7	7	үлэ / работа, труд, занятие, деятельность, дело	65	7	друг	46
8	8	суох / нет; не имеется, от- сутствует	64	8	нет	44
9	10	сырдык / свет; знание, про- свещение; светлый	61	9	счастье	40
10	10	улахан / большой, старший, громкий	61	10,5	есть	37

В рамках применения *геитальтного* подхода структурирования ассоциативного материала нами выделены шесть семантических зон (рис. 1): 1) *Субъект*; 2) *Объект*: субзоны — конкретные понятия, абстрактные понятия, ценности и эмоции; 3) *Характеристика*: субзоны — положительная, отрицательная, нейтральная; 4) *Действие*; 5) *Локус и Время*; 6) *Устойчивые словосочетания*.

Данная диаграмма показывает результаты анализа АП слова-стимула ДЬОЛ — СЧАСТЬЕ.

В СЗ «Субъект» якутских реакций в два раза больше, чем в русском АП (якуты — 7,4 %, русские — 2,8 %). Наиболее частотной реакцией якутских респондентов является *оҕо / ребенок* (49), включая его морфологические формы *оҕом / мой ребенок* (2), *оҕолорун / твои дети*, *оҕон / твой ребенок*, *оҕо-уруу / детвора, дети* (1). Слово *оҕо / ребенок* также входит в ядро ЯС якутов и имеет ранг 15,5-й ранг. В данной зоне большой процент якутских реакций связан с категорией «семья»: *ийэ / мать*, *ийэм / моя мать* (6, 1), *кэргэн / супруг(а)* (3), *аймах дьон / родня, дьонум / мои родные, дьонум мин аттыбар бааллара / когда мои родные рядом* (1). Кроме того, для якутов счастье — это *доботтор / друзья, чугас дьон / близкие люди*

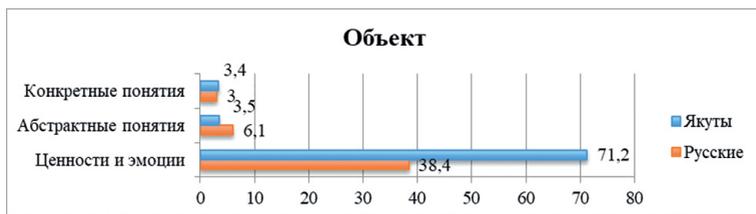
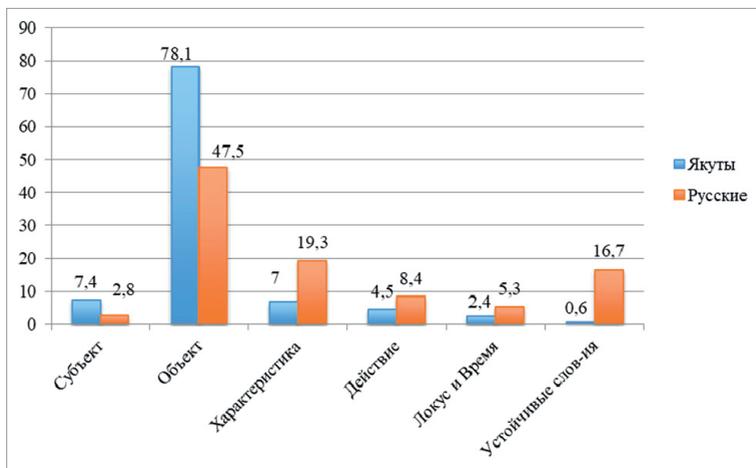

Рис. 1. Семантические зоны ассоциативного поля слов-стимулов ДЬОЛ — СЧАСТЬЕ

(1). Так, у якутских респондентов образы сознания создают представления больше именно о семье, связывают счастье с детьми, родными людьми рядом. Как отмечает Т. М. Никаева, якуты «важнейшим для себя считают сохранение традиций, культуры, родного языка и указывают на значимость семьи, родственных отношений» [Никаева, 2013, с. 15].

СЗ «**Объект**» является наиболее объемной и содержательной в АВС якутов и русских, причем число якутских реакций значительно больше

(якуты — 78,1 %, русские — 47,5 %). В субзоне «**Конкретные понятия**» (3,4 %; 3 %) мы находим единственную тождественную реакцию в АП двух языков — *мичээр* (4) — *улыбка* (1). К данной категории, связанной с признаком «проявления чувства ощущения счастья во внешности», мы отнесли якутские реакции *тупсубут сирэй / похорошевшее лицо; харах уута/слезы* (1). Счастье также зависит от материального благополучия, так, единичная реакция *кыбартыыра / квартира* относится к категории «материальные блага».

Многие единичные реакции связаны с природой, но в ЯС якутов и русских нет тождественных реакций: для якутов счастье ассоциируется с *дуол / простор, сардана / заря; солнечные блики, сулус / звезда, таас / камень, уот / огонь, хаар / снег, чөмчүүк / жемчуг* (1); у русских респондентов находим реакции *бабочка, земля, небо, облака, роза, солнце, цветы* (1).

Как отмечает Ю. Н. Караулов, «максимальное схождение между языками обнаруживается в понятийных зонах, проявление же национально культурной специфики проявляется на уровне отдельных слов, именно на этом уровне обнаруживаются максимальные различия между языками» [Караулов, 1981, с. 228]. Так, в ассоциативном поле слова ДЬОЛ мы находим ассоциации, в которых заложена этнокультурная коннотация, например, *толору дьэдьээннээх иһит / сосуд полный земляники* (1). Среди единичных ответов у А. А. Скрыбиной также присутствует интересная ассоциация *тон балык сыта / запах свежемороженой рыбы* [Скрыбина, 2021, с. 60].

Субзона «**Абстрактные понятия**» составляет у якутских респондентов 3,5 % и у русских респондентов 6,1 %. Якутские реакции в основном связаны признаком стремления к желаемому: *санаа / мысль* (5), *баҕа санаа / желание, баҕа санаа туолааһына, туолуута / исполнение желания, эрэл / надежда* (2), *киһи санаата / мысли человека, ыра санаа / мечта* (1). В обыденном сознании счастье — это «желанное настоящее», а его основные характеристики представляют собой важные аспекты жизненного идеала: факторы, формирующие «причину или причины счастья». Представления о счастье также включают покой, наслаждение, наличие и исполнение желаний [Воркачев, 2004, с. 84—87]. Достижение желаемого приводит к результатам, которые можно описать рядом ассоциаций якутских респондентов: *ситиһии / достижение* (4), *абырал / спасение, кыаллы / везение, что-то возможное; өрөгөй / победа, сатаны / удача, табыллы / удача, туску / благо, тускул / благо* (1). Признак стремления к желаемому не так ярко выражен в образах сознания русских, однако к тождественным понятиям можно отнести частичные ассоциации в периферии АП русских — *мечта, необходимость, поиски, то, к чему стремятся; цель* (1), также к схожим реакциям русских респондентов отнесем уда-

ча (5), не беда, смысл; удача, деньги (1). В отличие от якутских респондентов представления о счастье у русских связаны с внутренним состоянием, с такими положительными и глубокими понятиями как *свет* (3), *вечность*, *взаимность*, *полнота всего*, *понимание*, *радушность*, *согласие*, *состояние души*, *страсти*, *это понимание* (1).

К негативным понятиям относятся такие реакции у якутов, как *өлүү / смерть*, *эрэй / мучение* (1), у русских — *беда* (5), *забытье*, *позор*, *стыд то какой; то, чего нет* (1). Можно предположить, что в реакции *стыд то какой* раскрывается осмысление стереотипа «Русское счастье стыдливо, спокойно, незаметно» [Дербишева, 2020, с. 63].

Наиболее содержательной и интересной с точки зрения анализа является субзона «**Ценности и эмоции**», что, в свою очередь, предсказуемо, и это есть подтверждение того, что счастье действительно является абсолютной ценностью человечества. Во-первых, подчеркнем, что данная субзона содержит 71,2 % якутских и 38,4 % русских от общего количества реакций в каждом АП слов-стимулов ДЬОЛ — СЧАСТЬЕ. Во-вторых, данная субзона тесно связана с субзоной «**Абстрактные понятия**», и распределение реакций носит весьма условный характер.

Наиболее частотные реакции якутов и русских в данной субзоне почти полностью совпадают: *уөрүү* (311) — *радость* (49), *таптал* (72) — *любовь* (59), *олох* (64) — *жизнь* (13), *сор* (42) — *горе* (23), *дьиэ кэргэн* (33) — *семья* (8), *харчы* (24) — *деньги* (7). Здесь как раз следует подчеркнуть, что результаты ассоциативного эксперимента, проведенного А. А. Скрабиной намного позже, показывают определенную смену ценностных приоритетов у носителей якутского языка, где наиболее частотными ассоциациями выступают реакции *дьиэ кэргэн / семья* 86,1 %, *оҕо / ребенок* 81,1 %, *доруобуйа / здоровье* 80,8 %, *баай-дуол / благополучие*, *деньги* 79,7 %, *баба санаа туолуута / осуществление мечты* 28,9 %. В анализируемом нами ассоциативном поле слова ДЬОЛ реакции *баай-дуол / богатство*, *благополучие*, *деньги* и *баба санаа туолуута / исполнение желания* единичны. Счастье связывали лишь с такими материальными благами, как *кыбартыыра / квартира*. Следовательно, за последние десять лет у представителей саха появились новые ценностные ориентиры, формирующие понятие счастья, это *сөбүлүүр үлэ / любимая работа* 31,9 %, *сири-дойдуу көрүү, айан, сырыы / путешествие* 17 %, *дуоһунаска өрө тахсыы / карьерный рост* 11,9 %, *ипотека бүтүүтэ / закрытие ипотеки* 1,4 %, *айылбаба сылдьыы / времяпровождение на природе* 1,4 %, *тас дойдуга олоруу / жизнь за границей* 0,3 % [Скрабина, 2021, с. 59]. Это наглядно показывает нынешнюю ситуацию в обществе, отражающую социальные требования, новые тренды диктуют быть успешным и счастливым, а именно иметь любимую

работу, которая будет не в ущерб своим интересам, достаток, положение на карьерной лестнице, и при этом много путешествовать, заботиться о себе. При сравнении с результатами, полученными А. А. Скрябиной, важно иметь в виду, что ее респонденты включали лица старшего поколения, тогда как данные ассоциативного словаря основаны на ответах студентов. В целом А. А. Скрябина, рассматривая вербализацию концепта *дьол* в паремиологических и фразеологических единицах, а также в песенном дискурсе, выявляет, что якуты также связывают счастье с *наступлением лета, удачной охотой и с добрым словом* [Скрябина, 2021]. Однако в обыденном сознании современных якутов, как свидетельствуют данные ассоциативного эксперимента, такие реакции отсутствуют.

К частотным реакциям якутских респондентов относятся *соргу/благополучие* (92), *саргы/благополучие* (39), которые в паре со словом-стимулом формируют слово с собирательным значением, то есть являются парным словом, и также выступают как отдельные самостоятельные компоненты с реальным значением. Парные слова представляют собой особый пласт лексики в тюркских языках. Согласно Л. Н. Харитонову, парные слова — это «сочинительное, т. е. грамматически равноправное или параллельное сочетание двух слов, относящихся к одной и той же части речи и представляющих одну лексическую единицу... в целом обычно имеет более широкое и обобщающее значение» [Харитонов, 1982, с. 113]. Н. М. Ондар определяет парные слова как «номинативные единицы из двух лексем, образованные способом сложения на основе сочинительной связи» [Ондар, 2004, с. 3], «компоненты которых в семантическом плане, с одной стороны, сходны между собой, в определенной степени синонимичны, с другой стороны, в чем-то различаются, иногда существенно, вплоть до степени антонимичности» [Там же]. Е. И. Убрятова отмечает, что методом образования парных слов в якутском языке является синтаксический способ, так как в тюркских языках словосочетания используются для образования сложных основ [Убрятова, 2011, с. 184]. Согласно ученому, «это сложные основы, составившиеся из двух морфологически однородных слов, связанных между собой полным согласованием, перешедшим в полный параллелизм формы, и имеющих общее значение, всегда более широкое, чем значение каждого из составивших их слов... Полный параллелизм формы парного слова является его основным морфологическим признаком... Парные слова при всей своей способности выражать обобщенные значения связаны с образным мышлением» [Убрятова, 1948, с. 555—556]. Так, парное сочетание *дьол-соргу* состоит из двух полнозначных слов. Отдельно слово *соргу* определяется как 'благо, благополучие, счастье, фортуна; доля' [ПЭЖ, стлб. 2283]; слово *саргы=соргу* (ср. тюрк.) означает 'счастье,

талант, удача, судьба' [ПЭК, стлб. 2103]. Парное существительное *дьолсоргу* входит в Базу данных «Якутские парные слова, имеющие параллели в монгольских языках» [БД, 2022], где мы находим следующие словарные определения: 'большая радость, благополучие, счастье' [БТСЯЯ, III, с. 395]; 'счастье, удача' [ПЭК, т. 1, стлб. 838]; 'высшее счастье' [ПЭК, т. 1, стлб. 2283; Убрятова, 2011, с. 191]; 'полное счастье' (дьол 'счастье', соргу 'счастье', 'счастливым жребий') [Убрятова, 2011, с. 195]. Данное слово является часто употребляемым в повседневной речевой ситуации, в частности, в благопожеланиях, поздравлениях.

Соотношение возможных «парных ответов» на слово-стимул ДЬОЛ, образующих парное слово в ассоциативном поле, от общего количества реакций составляет 11,7%. Таким образом, можно предположить, что парное слово, активно существующее в узусе, в ассоциативно-вербальной сети носителя языка занимает устойчивое положение, что подтверждается частотностью ответов на стимул ДЬОЛ в качестве именно второй парной части слова. Вариация части парного слова с компонентом *саргы* появилась позже и имеет неоднозначное отношение к релевантности использования ввиду возможного искажения традиционного созвучного варианта *дьолсоргу*, также причиной изменения отношения в пользу второй вариации служит основа *сор*. Слово *сор* в якутском языке имеет значение «несчастье, злосчастье, злополучие, бедствие, горе, беда» [ПЭК, т. 1, стлб. 2283], «несчастье, страдание, мучение» [БТСЯЯ, VIII, с. 531].

Ассоциаты *үөрүү / радость, таптал / любовь* находятся в центре ядра ЯС якутов с рангами 13 и 15,5; в русском ядре ассоциат *любовь* имеет 3-й ранг, ассоциат *радость* — 4-й. Якуты в первую очередь связывают это чувство с радостью в моменте, счастье непременно вызывает радость: *үөрүү / радость* (311), *үөрүү-көтүү / радость* (23), *чыпчылыан үөрүү / много радости* (2), *ийэ үөрүүтэ / радость матери, кулүү / смех, элбэх үөрүү / много радости, эмискэччи кэлэн ааһар кылгас үөрүү / кратковременная неожиданная радость* (1). У русских схожие реакции тоже присутствуют: *радость* (49), *веселье* (3), *смех* (2); *радость, прибыль* (1). Величайшей ценностью, которую связывают со счастьем, безусловно, является *таптал / любовь* (73), данная реакция, можно сказать, является в равной степени частотной у русских: *любовь* (59), в *любви* (3), *верность; доверие, любовь; и любовь, любви; от любви; понимание, любовь* (1). К частотным у якутских респондентов относятся реакции *олох / жизнь* (64), *уһун олох / долгая жизнь* (3), также реакции в периферии АП *киһи олобо / жизнь человека, олоруу / жизнь, үчүгэй олох / хорошая жизнь* (1). У русских присутствует реакция *жизнь* (13), которая в самом ядре ЯС имеет 1-й ранг, у якутов данный ассоциат *олох / жизнь* имеет 4-й ранг. Далее приведем ряд антонимич-

ных реакций у якутов: *сор / несчастье, мука, горе* (42); *сорунг / твоё горе, хомойуу / огорчение, хомолто / обида* (1). Исследования паремиологического фонда подтверждают, что концепт счастья в традиционной русской культуре неразрывно связан с концептом несчастья [Тимофеева, 2020, с. 190], «неразделимость счастья и несчастья» есть ментальный стереотип [Дербишева, 2020, с. 61], что также находит отражение в АВС. Реакции русских респондентов частично тождественны с якутскими: *горе* (23), *несчастье* (20), *горя, ненастье* (1). К числу главных человеческих ценностей принадлежит здоровье, в данной категории ассоциации у якутских респондентов следующие: *доруубуйа / здоровье* (12), *дьонунг доруубуйата / здоровье твоих родных* (1), у русских имеется единичная реакция *здоровье* (1). Также у якутов и русских совпадают слова-реакции *эйэ* (7) — *мир* (2); *көнгүл* (4) — *свобода* (1). В рамках эмоционально-чувственной сферы якуты связывают счастье с *долгуйуу / волнение, үчүгэй настроение / хорошее настроение, эһчээһин / облегчение* (1). У русских это *блаженство* (2), *кайф, приятное ощущение, спокойствие, удовольствие* (1), однако присутствует и негативное понятие *скука* (1).

В семантической зоне «**Характеристика**» (7 %; 19,3 %) отмечается значительное преобладание русских реакций, что отражено в утверждении исследователей о том, что есть «неотъемлемое свойство русского менталитета»: «стремление все оценить, всему приписать определённому качеству» [Уфимцева, 2000]. Определённо, в двух ассоциативных полях есть схожие реакции, передающие базовые положительные характеристики состояния счастья *толору/полный* (13) — *полное* (1); *кэрэ/прекрасный* (5) — *прекрасное* (1), *сырдык/светлый* (5) — *светлое* (3), *улахан/большой* (4) — *большое* (16), *олус үчүгэй/очень хороший* (1) — *очень хорошо* (1), *сүдү/огромный* (1) — *огромное* (7). Помимо базовых определений у русских подчеркивается временное качество счастья — *вечное* (3), *долгожданное* (2), *безгранично, безграничное, беспредельное, нескончаемое* (1) и т. д.

Возвращаясь к вопросу о специфике якутского языка, в частности к своего рода полисемии ассоциатов, приведем ряд лексем, относящихся к определению качества, однако способных выступать и в роли существительного: *баай / богатый, богатство; кэрэ / прекрасный, красота; сырдык / светлый, свет; үтүө / добрый, добро* (5), *сылаас / теплый, тепло; сымыйа / ложный, ложь; ыраас / чистый, чистота* (1). В этом значении данные реакции могут быть также отнесены к субзоне «**Абстрактные понятия**».

Наибольший процент имеет субзона «**Положительная характеристика**» (якуты — 6,7 %, русские — 11,2 %). В данной субзоне к самым частотным реакциям якутов относятся — *үчүгэй / хороший* (15), *толору /*

полный (13), баай / богатый, дьоллоох / счастливый, кэрэ / прекрасный, сырдык / светлый, үтүө / добрый (5); у русских — большое (16), хорошо (8), огромное (7). В периферии у якутских респондентов также присутствуют ассоциации *барыта кэрэ / все прекрасно, барыта этэннэ / все благополучно* (1), как принято говорить, когда у человека все хорошо; собственно тождественные реакции у русских — *замечательно, отлично* (1).

Наименее весомая субзона «**Отрицательная характеристика**» составляет у русских 0,9 %, в ассоциативном поле якутов (0,1 %) присутствует единичная реакция с отрицательным значением — *сымыйа / ложный, ложь*. Русскими респондентами даны ассоциации *зыбкое, мало, недолгое, недостижимо, нелегкое* (1). «Зыбкое счастье» является стереотипом, осмысление которого в основном раскрывается в художественных текстах [Дербишева, 2020, с. 63].

В субзоне «**Нейтральная характеристика**» реакции якутов (0,2 %) также количественно уступают ответам русских (7,2 %) — *араас / разный, икки / два* (1). Реакции русских респондентов, в том числе и частотные, в данной субзоне образуют категорию «чье» — *мое* (23), *семейное* (2), *вдвоем, вместе, женское, людское, наше, не мое, общее, чужое* (1).

СЗ «**Действие**» (якуты — 4,5 %; русские — 8,4 %) показывает совокупность ощущений и процессов, связанных с чувством счастья, что отражено в образах сознания носителей языков. Так, большая часть реакций как бы «утверждает» и описывает наличие счастья, и у носителей двух языков можно найти схожие моменты: у якутов — *баар / есть* (9), *барыта баар / все есть* (3), *баар буолуохтаах / должно быть, бааргар / в том, что ты есть, барыта баар буолла да дьол / счастье — когда все есть, все рядом и все здорово, тосхойор / уготовано, туохха да наадыйбат буолуу / ни в чем не нуждаться, үксээтэ / приумножилось, этэннэ буолуу / быть благополучным* (1); у русских — *должно быть, найти, оно есть* (2), *быть любимым, быть с любимым, все есть, все иметь, должно быть у всех, есть!, может быть, нельзя описать, обрести, обретать, переполняет, приходит, пришло, существует* (1). Отрицательные реакции также присутствуют в АВС якутов (*суох / нет* 2; *баар дуо? / есть?, кэлбэт / не придет, ыраат / отдаляться* 1) и русских (*нет* 7; *его нет, не бывает, не верю, не знаю* 1).

СЗ «**Локус и Время**» составляет 2,4 % у якутских респондентов, 5,3 % — у русских респондентов. У якутов представления о счастье в образах сознания условно ограничиваются местом рождения и проживания (*дьиэ / дом* 7, *дойду / страна, мин олохпор / в моей жизни, Саха сирэ / Якутия* 1). У русских счастье также связано с домом — *в доме, дом* (2), *в дом, дома* (1), кроме этого, для них счастье — *находиться в семье* (2), *вместе с друзьями* (1). «Дом — это населяющие его люди, главным в образе *дома*

было представление о хозяйстве, то есть имуществе и богатстве, материальном обеспечении рода, в основе такого представления лежит понятие о чем-то *созданном, постоянном, общем* для всех «своих», которые объединяются кровом такого дома» [Красных, 2002, с. 245]. Отдельные реакции у русских отражают некий «всеобъемлющий» характер счастья как такового — *на земле* (4), *далеко* (2), *близко, везде, в личной жизни, во мне, где, где оно?*, *рядом* (1). Что касается Времени, здесь отсутствуют тождественные реакции, в АП якутов присутствуют лишь реакции-существительные, смысловое содержание которых ограничивается понятием определенной поры, ожидаемого времени и отсылкой к мгновению. В АП русских реакции представлены в основном наречием, что способным выражать значение времени: счастье «происходит» *вдруг, всегда, когда весело, когда чего-то не хватает, мгновенно, но не ныне* (1); счастье — это *секунда, утро* (1).

В СЗ «Устойчивые словосочетания» реакции русских респондентов имеют значительное преимущество (якуты — 0,6 %; русские — 16,7 %). В ЯС русских глубоко заложена установка «счастье есть», известная как фраза Раисы Горбачевой, использованная в тексте песни dj Грува [Кононенко, 2021]. Это наиболее частотная ассоциация в данной зоне: *есть* (74), *есть, его не может не быть* (11), *его не может не быть* (3), а также периформулированные *есть, оно не может не быть; счастье есть, оно не может не быть* (1). В ЯС якутов представлены реакции, являющиеся частью коллокаций, часто используемых в сочетании со словом *дьол*: *хараба суох / слепо* (4) *чыычааба / птичка* (2), *амтана / вкус* (1), которые условно имеют эквиваленты в русском языке. В римской мифологии существовала богиня счастья по имени Фортуна, которую изображали с крыльями. Римляне верили, что Фортуна приносит счастье внезапно и также внезапно его уносит. Отсюда возникло выражение *слепое счастье*, которое также встречается во фразеологизмах [Овсеян, 2023, с. 31]. Отдельно можно отметить реакцию русских *птица*. Янь Кай и Чжан Бинь упоминают о фразеологизме *синяя птица* и отмечают, что «в русской культуре синяя птица понимается как символ счастья, то, что воплощает для кого-либо высшее счастье» [Янь Кай и др., 2023, с. 115]. В образе вольной птицы актуализируется зооморфный код [Дербишева, 2020, с. 64]. По нашему мнению, реакция *птица*, возможно, возникла под влиянием устойчивой метафоры и популярной песни «Птица счастья завтрашнего дня» (на стихи Н. Добронравова, муз. А. Пахмутовой), так, в славянской мифологии выделялось «некое фантастическое летающее существо, ассоциируемое с удачей и счастьем» [Голованивская, 2009, с. 113]. И реакция якутов *чыычааба / птичка* есть калькирование из русского выражения. Можно также предположить, что архаичные верования русских вплотились в традиционной культуре в

изделии «щепная птица счастья»: «Местом происхождения этого старинного сувенира считается поморье — территория нынешней Архангельской области... деревянной птице приписали чудодейственную силу и стали называть её “святым духом”, хранительницей детей, символом семейного счастья, отсюда и название “Птица счастья”» [Богданов, 2019]. Также к древним образам птиц счастья причисляют птиц Сирина и Алконоста из легенд мифических сказочных [Витков, 2019].

3.2. Типы связей между стимулом и реакцией в ассоциативном поле

Приведем некоторые факторы, характеризующие специфику типов связей, формируемых в ментальном лексиконе при порождении респондентами ассоциаций на тот или иной стимул. Согласно наблюдениям И. Г. Овчинниковой, в ментальном лексиконе носителей флективных языков синтагматические связи формируются между различными лексико-грамматическими разрядами, а у носителей аналитических языков — внутри одного класса. На синтагматические реакции влияет часть речи слова-стимула: глаголы чаще вызывают синтагматические реакции, чем существительные. Парадигматические связи возникают быстрее, чем синтагматические, так как они более универсальны и автоматизированы. Парадигматические связи раньше развиваются в онтогенезе и играют важную роль в выборе словоформ и лексем [Овчинникова, 2006].

По мнению Ю. Н. Караулова, синтагматические и парадигматические связи между стимулом и реакцией отражают взаимодействие слов в тексте (взгляд «от текста»). Синтагматические связи представляют непосредственное сочетание слов в пределах одного предложения с минимальным интервалом, а парадигматические — глубинные смысловые и предикативные отношения, которые могут быть скрыты или находиться на разных уровнях текста. Оба типа связей — это следы текстов, «которые проходили в разное время или проходят в данный момент через АВС испытуемого» и которые испытуемый «цитирует» на основе своего опыта [Караулов, 1996].

В ассоциативном поле слова-стимула ДБОЛ парадигматические ассоциации составляют 83,4 % и имеют преимущество над синтагматическими ассоциациями — 16,6 %. В ассоциативном поле слова-стимула СЧАСТЬЕ парадигматические ассоциации также количественно преобладают — 58,8 %, синтагматические ассоциации составляют чуть меньше 41,2 %.

Обзор ассоциаций с точки зрения их принадлежности к тому или иному лексико-грамматическому разряду (без учета реакций-словосочетаний) показывает примерно равное соотношение по частям речи в обоих ассоциативных полях. При этом для русского АП характерны различия в наборе частей речи, чаще других репрезентирующих каждый из рассматриваемых

типов связей, что, возможно, не характерно для агглютинативных языков, каким является якутский. Так, среди парадигматических реакций подавляющее большинство пар S-R в двух АП формируются по модели «имя существительное + имя существительное» (якутское АП — 87 %, русское АП — 78,5 %), также в русском АП несколько больше связей представлены по формуле «имя существительное + наречие» и «имя существительное + глагол». Здесь необходимо добавить, что ввиду многозначности лексем граница между возможными вариантами распределения реакций по тем или иным группам остается неустойчивой. Что касается синтагматических реакций, почти половина русских ассоциаций строятся по модели «имя существительное + глагол» (41,3 %). Отметим, что в якутском АП только за счет частотных реакций, которые в паре со стимулом образуют парные слова *дьол-соргу*, *дьол-саргы*, преобладают комбинации связей «имя существительное + имя существительное» (73,6 %). У якутов другие синтагматические пары по модели «имя существительное + имя существительное» представляют словосочетания, где реакции даны в притяжательном склонении: *чыычааба / птичка* (2), *амтана / вкус*, *кэрэтэ / красота*, *оройо / пик* (1). В русском АП подобные связи строятся в основном по смысловой формуле указания места (*на земле* (4), *в любви*, *в доме*, *в семье*, *в дом*, *в личной жизни* (11,5 %). В русском АП синтагматические связи организованы по моделям «имя существительное + имя прилагательное» (20,8 %), «имя существительное + местоимение» (11,1 %), «имя существительное + наречие» (5,1 %), в то время как в якутском АП репрезентации таких моделей не представлены.

Наиболее частотные реакции в обоих АП представляют парадигматические ассоциации: якуты — *уөрүү / радость* (311), *соргу / благополучие* (92), *таптал / любовь* (72), *олох / жизнь* (64), *оьо / ребенок* (49); русские — *любовь* (59), *радость* (49), *горе* (23).

Частотные синтагматические реакции в двух АП также совпадают: у якутов — *баар / есть* (9), однако реакция *есть* (79) является наиболее частотной в целом по ассоциативному полю слова-стимула СЧАСТЬЕ.

3.3. Вычисление показателя близости значений в ассоциативном поле

По результатам вычисления показатель близости (W) может меняться от 0 до 1, где «0 соответствует отсутствию одинаковых реакций, 1 — полному совпадению распределению ассоциаций» [Григорьев и др., 2000]. Как отмечает автор, при межъязыковых сопоставлениях применение количественных методов должно встретиться с наибольшими затруднениями, в том числе при изучении языкового сознания билингвов. Трудности возникают при неполном совпадении значений слов в разных языках, а также при несовпадении грамматических категорий [Там же]. В нашем случае

мы учли в качестве схожих ассоциаций в якутском и русском языках реакции, где слово в одном языке многозначно, либо имеет синоним в АП, но совпадает по одному из значений в другом языке, либо слова в разных языках имеют неодинаковые грамматические формы, а также если одна реакция в ассоциативном поле дана отдельно на якутском языке и по стратегии переключения кода дана на русском языке (разные реакции отделены знаком точки с запятой: якутское АП — *үөрүү / радость; үөрүү-көтүү / радость*, русское АП — *радость*; якутское АП — *дьиэ кэргэн / семья; ыал / семья; семья*, русское АП — *семья*; якутское АП — *кэрэ / прекрасный*, русское АП — *прекрасно; прекрасное и т. д.*).

Значения показателей близости (W) имеют следующие уровни: от 0,4 до 1 — высокий; от 0,3 до 0,39 — выше среднего; от 0,2 до 0,29 — средний; от 0,1 до 0,19 — ниже среднего; ниже 0,1 — низкий [Палкин, 2010, с. 85]. Коэффициент сходства отражает степень совпадения восприятия образа среды представителей разных групп. Значение, приближенное к единице, свидетельствует о высокой схожести восприятия, тогда как значения, близкие к нулю, указывают на меньшую общность в восприятии [Палкин, 2020, с. 74].

Согласно подсчетам, показатель близости W ассоциативных полей составляет 0,32, что относится к уровню семантической близости выше среднего.

4. Заключение = Conclusions

Анализ ассоциативных полей слов ДЬОЛ и СЧАСТЬЕ выявил следующие результаты, позволяющие глубже понять особенности восприятия счастья в якутской и русской лингвокультуре.

В ассоциативном поле якутского слова ДЬОЛ наблюдается сильная связь с такими социальными понятиями, как семья, дети и здоровье, что отражает коллективную природу восприятия счастья. Так, к частотным реакциям у якутов относятся *таптал / любовь, оҕо / ребенок*, также *дьиэ кэргэн / семья*, что свидетельствует о значимой ценности рода у якутов, содержание ассоциативного поля подтверждает, что сила рода, предков всегда имела глубокое значение для якута в становлении его личности, в поддержании связи с предками он находит особую сакральную поддержку. В русском языке *счастье* связано преимущественно с абстрактными категориями, такими как любовь, радость и внутреннее состояние, что отражает индивидуалистическое восприятие счастья. В языковом сознании русских также выявлено больше ассоциаций, актуализирующих прецедентные тексты.

Сравнительный анализ с результатами ассоциативных экспериментов, проведенных позднее А. А. Скрябиной [Скрябина, 2021], показывает за-

метные изменения в ценностных приоритетах носителей якутского языка за последние годы. Если ранее счастье ассоциировалось с семьей, детьми и материальными благами, то в последние годы на первый план выходят такие аспекты, как любимая работа, путешествия, карьерный рост и забота о себе. Это отражает современные социальные тренды, в которых счастье связано не только с материальными аспектами, но и с личным развитием и самореализацией.

Частотные реакции, такие как *соргу* и *саргы* (благополучие), образуют парные слова, обладающие собирательным значением, при этом эти слова одновременно являются самостоятельными лексемами. Парные слова, такие как *дьол-соргу*, активно используются в повседневной речи, особенно в формулах благопожеланий и напутствий, что подчеркивает их важность в повседневном функционировании современного якутского языка. В ассоциативном поле слова ДЬОЛ их частота составляет 11,7 %, что подтверждает их роль как устойчивых элементов в вербальной сети. Обзор парных слов в ассоциативном поле слова-стимула ДЬОЛ подтверждает, что они занимают значительное и устойчивое положение в языке.

Что касается типов связей между стимулом и реакцией, выявлено преобладание парадигматических ассоциаций у якутских и русских респондентов. В якутском АП парадигматические реакции составляют 83,4 %, в то время как синтагматические — лишь 16,6 %. В русском АП это соотношение более сбалансировано: 58,8 % парадигматических и 41,2 % синтагматических ассоциаций.

В результате анализа лексико-грамматических разрядов реакций удалось выявить различие в моделях связи. Якутское АП характеризуется преобладанием связей по модели «имя существительное + имя существительное» (87 %), тогда как в русском АП также представлены модели с участием наречий, глаголов и прилагательных, это указывает на большую вариативность связей между различными лексико-грамматическими разрядами, что типично для флективных языков. Синтагматические связи в якутском АП представлены в большинстве случаев в комбинации «существительное + существительное» за счет реакций, которые со словом-стимулом образуют парные слова (*дьол-соргу*, *дьол-саргы*). В свою очередь в русском АП преобладают связи «существительное-глагол» (41,3 %) в основном за счет ассоциаций, представляющих прецедентные выражения. В целом русское АП также демонстрирует более выраженное присутствие наречий, чего практически нет в ассоциативном поле слова ДЬОЛ.

Специфика многозначности слов в якутском языке создает сложности при определении лексико-грамматических характеристик ассоциатов, что затрудняет их классификацию по семантическим зонам и типам связей.

Многозначность и омонимия слов вызывают вариативность интерпретаций значений, что требует более детального анализа в будущем. Тем не менее эти сложности не повлияли на точность полученных результатов, но данное направление нуждается в дальнейшем углубленном исследовании.

Метод количественной оценки показал, что ассоциативные поля ДЬОЛ и СЧАСТЬЕ демонстрируют средний уровень семантической близости ($W = 0.32$), что указывает на наличие значительных различий в восприятии счастья обоими этносами, несмотря на наличие некоторых пересечений в базовых понятиях.

Таким образом, данное исследование подчеркивает культурные и когнитивные различия в восприятии концепта счастья у якутов и русских, а также фиксирует тенденции трансформации традиционного образа мира в восприятии счастья под влиянием современных социальных факторов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. БД — *Свидетельство* о государственной регистрации базы данных №2022623336 Российская Федерация. Якутские парные слова, имеющие параллели в монгольских языках : № 2022623350 : заявл. 03.12.2022 : опубли. 09.12.2022 / А. К. Прокопьева, Н. В. Гуляева ; заявитель ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова».

2. БТСЯЯ — *Толковый словарь якутского языка* [Текст] = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / под общ. ред. П. А. Слепцова. — Новосибирск : Наука, 2004—2018. — ISBN 978-5-02-032332-2.

3. *Заморщикова Л. С.* Ассоциативный словарь якутского языка [Электронный ресурс] / Л. С. Заморщикова, А. А. Романенко. — 2012. — Режим доступа : <http://adictsakha.nsu.ru/dict> (дата обращения 27.07.2024).

4. ПЭЖ — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка / Э. К. Пекарский. — Москва : [б. и.], 1959. — Т. I, II. — стлб. 1280—2508.

5. САС — *Славянский ассоциативный словарь* : русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. — Москва : ИЯ РАН, 2004. — 792 с. — ISBN 5-7904-0366-2.

Литература

1. *Абильдинова Ж. Б.* Вербализация концепта «счастье/бақыт/happiness» в русском, казахском и английском языковом сознании (по данным ассоциативного эксперимента) / Ж. Б. Абильдинова // *Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве* : сборник материалов Международного научного конгресса, Москва, 06—10 декабря 2021 года. — Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2021. — Т. 1. — С. 478—481.

2. *Аристотель.* Никомахова этика / Аристотель ; в пер. Н. В. Брагинской // *Аристотель.* — Москва : Мысль, 1984. — Т. 4. — С. 54—293.

3. Беккулова Д. К. Концепт «счастье» в языковом сознании народа / Д. К. Беккулова // *Alatoo Academic Studies*. — 2021. — № 2. — С. 206—212. — DOI: 10.17015/aas.2021.212.23.
4. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. — Москва : Директ-Медиа, 2009. — 734 с. — ISBN 9785998915093.
5. Богданов Д. А. Щепная Птица счастья как один из видов традиционных северных ремёсел / Д. А. Богданов // *Colloquium-Journal*. — 2019. — № 17—7 (41). — С. 24—25.
6. Боргоякова А. П. Национально-культурная специфика языкового сознания хакасов, русских и англичан (на материале ядра языкового сознания) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. П. Боргоякова. — Москва, 2002. — 181 с.
7. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. — Москва : Русские словари, 1996. — 416 с. — ISBN 5-89216-002-5.
8. Витков В. Н. Птица счастья [Электронный ресурс] / В. Н. Витков. — Эхо Севера. — 2019. — Режим доступа : <https://www.echosevera.ru/2019/09/07/5d70d6faeac9121cd63f9c83.html> (дата обращения 28.08.2024).
9. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.
10. Головановская М. К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских / М. К. Головановская. — Москва : Языки славянской культуры, 2009. — 376 с. — ISBN 978-5-9551-0350-1.
11. Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. — Харьков ; Москва : РА — Каравелла, 2001. — 320 с. — ISBN 966-7012-09-3.
12. Григорьев А. А. Проблемы количественного анализа в сопоставительных исследованиях ассоциативных полей / А. А. Григорьев, М. С. Кленская // *Языковое сознание и образ мира* / под ред. Н. В. Уфимцевой. — Москва : ИЯ РАН, 2000. — С. 313—318.
13. Дмитриева О. Н. Свадебный обряд якутов и алгысы : традиции и современность / О. Н. Дмитриева // *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. — 2017. — № 1 (32). — С. 58—66.
14. Дьячковский Ф. Н. О видах многозначности слов / Ф. Н. Дьячковский // С. А. Новгородов и новое в якутском языкознании : сборник статей. — Якутск : Издательство ЯФ СО РАН, Якутский филиал, 2003. — С. 72—79.
15. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2.
16. Колесов В. В. Словарь русской ментальности / В. В. Колесов. В 2 томах. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2014. — 27 см. — ISBN 978-5-86547-687-0.
17. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1981. — 368 с.
18. Караулов Ю. Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента / Ю. Н. Караулов // *Этнокультурная специфика языкового сознания*. — Москва : УРСС, 1996. — С. 67—97. — ISBN 5-354-00768-2.
19. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети / Ю. Н. Караулов // *Языковое сознание и образ мира*. — Москва : УРСС, 2000. — С. 191—206.
20. Клименко А. П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение : учеб. пособие / А. П. Клименко. — Минск : МГПИИЯ, 1974. — 108 с.
21. Кононенко М. Счастье есть [Электронный ресурс] / М. Кононенко. — Режим доступа : <https://russian.rt.com/opinion/845515-kononenko-uchenie-programma-schastye> (дата обращения 28.08.2024).

22. *Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : Курс лекций / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2002. — 284 с. — ISBN 5-94244-009-3.
23. *Конопелько И. П.* Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка / И. П. Конопелько. — Воронеж : РИТМ, 2019. — 226 с. — ISBN 978-5-6042729-6-1.
24. *Леонтьев А. А.* Языковое сознание и образ мира / А. А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. — Москва : Ин-т языкознания РАН, 1993. — С. 16—21.
25. *Леонтьев А. А.* Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах / А. А. Леонтьев // Словарь ассоциативных норм русского языка. — Москва : МГУ, 1977. — С. 5—16.
26. *Лурье С. В.* Историческая этнология / С. В. Лурье. — Москва : Аспект пресс, 1997. — 448 с.
27. *Маховиков Д. В.* Этнокультурная специфика образа «счастье» (на материале языкового сознания русских и французов) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Д. В. Маховиков. — Москва, 2011. — 132 с.
28. *Навильникова Д. И.* Представление парадигматических и синтагматических связей как способ интерпретации результатов ассоциативного эксперимента / Д. И. Навильникова // Сибирский филологический журнал. — 2009. — № 2. — С. 201—205.
29. *Никаева Т. М.* Этнокультурная специфика образа себя образа другого в языковом сознании русских, якутов, эвенков и эвенов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Т. М. Никаева. — Москва, 2013. — 24 с.
30. *Носкова Н. А.* Ментальность как основа понятия. «Языковое сознание» / Н. А. Носкова, М. П. Ахиджакова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия. «Филология и искусствоведение». — 2016. — Выпуск 4 (187) — С. 83—88.
31. *Овсепян С. А.* Концепт счастье в русском языковом сознании на материале фразеологизмов / С. А. Овсепян // Science Time. — 2023. — № 2 (109). — С. 30—32.
32. *Овчинникова И. Г.* Структура ментального лексикона: возрастная динамика ассоциативных связей / И. Г. Овчинникова // Психоллингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2006. — № 4. — С. 85—92.
33. *Ондар Н. М.* Парные слова в тувинском языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.02 / Н. М. Ондар. — Москва, 2004. — 19 с.
34. *Палкин А. Д.* Россия и Япония : динамика нравов / А. Д. Палкин. — Москва : Наталис, 2010. — 432 с. — ISBN 978-5-8062-0329-9.
35. *Палкин А. Д.* Образ матери в языковой картине мира русских и японцев / А. Д. Палкин // Вестник НГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020. — Т. 18. — № 1. — С. 71—83. — DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2020-18-1-71-83>.
36. *Сергиева Н. С.* Семантический гештальт и ядро языкового сознания русских / Н. С. Сергиева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Социально-гуманитарные науки. — 2006. — № 2 (57). — С. 160—165.
37. *Скрябина А. А.* Концепты ДЬОЛ 'СЧАСТЬЕ' — СОР 'НЕСЧАСТЬЕ' в якутской лингвокультуре : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.02 / А. А. Скрябина. — Якутск, 2021. — 160 с.
38. *Тарасов Е. Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира. — Москва : [б. и.], 2000. — С. 24—32.
39. *Тимофеева И. Ю.* Концепт «счастье» в русской культуре / И. Ю. Тимофеева // Инновационные аспекты развития науки и техники : Сборник избранных статей II Меж-

дународной научно-практической конференции, Саратов, 24 ноября 2020 года. — Саратов : НОО «Цифровая наука», 2020. — С. 186—194. — ISBN 978-5-93856-316-2.

40. *Убрятова Е. И.* О некоторых особенностях основы слова в якутском языке / Е. Н. Убрятова // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — 1948. — Т. VII. — Выпуск 6. — С. 551—567.

41. *Убрятова Е. И.* Парные слова в якутском языке / Е. И. Убрятова // Избранные труды. Исследования по тюркским языкам. — Новосибирск : Изд-во НГУ, 2011. — 282 с.

42. *Уфимцева Н. В.* Языковое сознание и образ мира славян / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание и образ мира. — Москва : Ин-т языкознания РАН, 2000. — С. 207—219.

43. *Уфимцева Н. В.* Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности / Н. В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. — 2003. — № 1. — С. 102—111.

44. *Уфимцева Н. В.* Проблемы изучения языкового сознания / Н. В. Уфимцева, Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. — 2009. — Выпуск 2. — С. 18—25.

45. *Уфимцева Н. В.* Языковое сознание : динамика и вариативность / Н. В. Уфимцева. — Москва : Институт языкознания РАН, 2011. — 252 с. — ISBN 978-5-905697-03-6.

46. *Филиппова С. В.* Концепты “happiness” / «дьол» в английском и якутском языках / С. В. Филиппова, А. В. Хихлун // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 10—2 (88). — С. 370—374. — DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-2.32>.

47. *Хамидуллина С. В.* Концепт «счастье» в русском языковом сознании / С. В. Хамидуллина // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2013. — Т. 3. — С. 371—375.

48. *Харитонов Л. Н.* Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология / Л. Н. Харитонов. — Москва : Наука, 1982. — 496 с.

49. *Черкашина Е. А.* Концепт «Счастье» в русском языке / Е. А. Черкашина // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. — 2016. — № 2. — С. 38—43.

50. *Яо Ж.* Концепт счастье в русском и китайском языковых сознаниях / Ж. Яо // БГЖ. — 2019. — № 4 (29). — С. 312—315. — DOI: [10.26140/bgj3-2019-0804-0071](https://doi.org/10.26140/bgj3-2019-0804-0071).

51. *Янь К.* Представление о счастье в языковом сознании носителей русской культуры : психолингвистический аспект / К. Янь, Б. Чжан // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2023. — Т. 22. — № 1. — С. 108—122. — DOI: [10.15688/jvolsu2.2023.1.9](https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.9).

52. *Derbisheva Z. K.* Русское счастье в лингвокогнитивной интерпретации / Z. K. Derbisheva // Cuadernos De Rusística Española. — 2020. — Vol. 16. — Pp. 55—68. — DOI: [10.30827/cre.v16i0.13912](https://doi.org/10.30827/cre.v16i0.13912).

53. *Diener E.* Subjective well-being / E. Diener // Psychological Bulletin. — 1984. — Vol. 95. — № 3. — Pp. 542—575. — DOI: [10.1037/0033-2909.95.3.542](https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542).

54. *Diener E.* Happiness : Unlocking the mysteries of psychological wealth / E. Diener, R. Biswas-Diener. — Oxford : Blackwell Publishing, 2008. — 304 p.

55. *Inglehart R. F.* Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies / R. F. Inglehart. — Princeton : Princeton University Press. — 1997. — 464 p. — ISBN 978-06-9101-1806.

56. *Meara P.* ‘Word Associations in a Foreign Language : A Report on the Birkbeck Vocabulary Project.’ / P. Meara // Nottingham Linguistic Circular. — 1982. — № 11 (2). — Pp. 29—37.

57. *Menenti L.* ‘L2-L1 Word Association in Bilinguals : Direct Evidence’ / L. Menenti // Nijmegen CNS. — 2006. — Vol. 1. — Pp. 45—56.

58. *Pranoto B. E.* The Organization of Words in Mental Lexicon : Evidence from Word Association Test / B. E. Pranoto, L. K. Afrilita // *Teknosastik*. — 2018. — Vol. 16. — № 1. — Pp. 26—33.

59. *Veenhoven R.* Is Happiness Relative? Social Indicators Research : An International and Interdisciplinary Journal for Quality-of-Life Measurement / R. Veenhoven. — 1991. — Vol. 24. — № 1. — Pp. 1—34. — DOI: 10.1007/BF00292648.

60. *Wierzbicka A.* ‘Happiness’ in Cross-Linguistic & Cross-Cultural Perspective / A. Wierzbicka // *Daedalus*. — 2004. — Vol. 133. — № 2. — Pp. 34—43.

Статья поступила в редакцию 28.06.2024,
одобрена после рецензирования 25.09.2024,
подготовлена к публикации 16.10.2024.

Material resources

BTSYaYa — *Explanatory dictionary of the Yakut language [Text] = Sakha tylyn byhaarylah tyldyt.* (2004—2018). Novosibirsk: Nauka. ISBN 978-5-02-032332-2. (In Russ.).

DB — *Certificate of state registration of the database № 2022623336 Russian Federation. Yakut paired words with parallels in Mongolian languages: № 2022623350: application 03.12.2022: publ. 09.12.2022.* (In Russ.).

PEK — Pekarsky, E. K. (1959). *Dictionary of the Yakut language, I, II.* Moscow: [b. i.]. 1280—2508. (In Russ.).

SAS — *Slavic associative dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian.* (2004). Moscow: IYA RAS. 792 p. ISBN 5-7904-0366-2. (In Russ.).

Zamorshchikova, L. S., Romanenko, A. A. (2012). *Associative dictionary of the Yakut language.* Available at: <http://adictsakha.nsu.ru/dict> (accessed 27.07.2024). (In Russ.).

References

Abildinova, J. B. (2021). Verbalization of the concept of “happiness/bakyt/happiness” in the Russian, Kazakh and English language consciousness (according to the associative experiment). In: *Russian language in the global scientific and educational space: Collection of materials of the International Scientific Congress, Moscow, December 06—10, 2021, 1.* Moscow: A. S. Pushkin State Institute of the Russian Language. 478—481. (In Russ.).

Aristotel. (1984). *Nicomachean ethics, 4.* Moscow: Mysl. 54—293. (In Russ.).

Bekkulova, D. K. (2021). The concept of “happiness” in the linguistic consciousness of the people. *Alatoo Academic Studies, 2:* 206—212. DOI: 10.17015/aas.2021.212.23. (In Russ.).

Bentham, I. (2009). *Introduction to the foundations of morality and legislation.* Moscow: Direct-Media. 734 p. ISBN 9785998915093. (In Russ.).

Bogdanov, D. A. (2019). Shchepnaya Bird of happiness as one of the types of traditional northern crafts. *Colloquium-Journal, 17—7 (41):* 24—25. (In Russ.).

Borgoyakova, A. P. (2002). *National and cultural specificity of the linguistic consciousness of the Khakass, Russians and the British (based on the material of the core of linguistic consciousness).* PhD Diss. Moscow. 181 p. (In Russ.).

Cherkashina, E. A. (2016). The concept of “Happiness” in the Russian language. *Bulletin of the Taganrog Institute named after A. P. Chekhov, 2:* 38—43. (In Russ.).

Derbisheva, Z. K. (2020). Russian happiness in a linguocognitive interpretation. *Cuadernos De Rusística Española, 16:* 55—68. DOI: 10.30827/cre.v16i0.13912.

- Diener, E. (2008). *Happiness: Unlocking the mysteries of psychological wealth*. Oxford: Blackwell Publishing. 304 p.
- Diener, E. (1984). Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 95 (3): 542—575. DOI: 10.1037/0033-2909.95.3.542.
- Dmitrieva, O. N. (2017). Wedding ceremony of Yakuts and Algys: traditions and modernity. *Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia*, 1 (32): 58—66. (In Russ.).
- Dyachkovsky, F. N. (2003). On the types of polysemy of words. In: *S. A. Novgorodov and the new in Yakut linguistics: a collection of articles*. Yakutsk: Publishing House of the YAF SB RAS, Yakutsk branch. 72—79. (In Russ.).
- Filippova, S. V., Khikhilun, A. V. (2018). Concepts of “happiness” / “dyol” in English and Yakut languages. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 10—2 (88): 370—374. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-2.32>. (In Russ.).
- Golovanivskaya, M. K. (2009). *Mentality in the mirror of language. Some basic concepts in the representation of the French and Russians*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 376 p. ISBN 978-5-9551-0350-1. (In Russ.).
- Goroshko, E. I. (2001). *Integrative model of free associative experiment*. Kharkov; Moscow: RA — Caravella. 320 p. ISBN 966-7012-09-3. (In Russ.).
- Grigoriev, A. A., Klenskaya, M. S. (2000). Problems of quantitative analysis in comparative studies of associative fields. In: *Linguistic consciousness and the image of the world*. Moscow: IYA RAS. 313—318. (In Russ.).
- Hovsepyan, S. A. (2023). The concept of happiness in the Russian linguistic consciousness based on the material of phraseological units. *Science Time*, 2 (109): 30—32. (In Russ.).
- Inglehart, R. F. (1997). *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton: Princeton University Press. 464 p. ISBN 978-06-9101-1806.
- Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena. 477 p. ISBN 5-88234-552-2. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (2000). Indicators of national mentality in the associative-verbal network. In: *Linguistic consciousness and the image of the world*. Moscow: URSS. 191—206. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (1981). *Linguistic construction and thesaurus of the literary language*. Moscow: Nauka. 368 p. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (1996). Types of communicative behavior of a native speaker in a situation of linguistic experiment. In: *Ethnocultural specificity of linguistic consciousness*. Moscow: URSS. 67—97. ISBN 5-354-00768-2. (In Russ.).
- Khamidullina, S. V. (2013). The concept of “happiness” in the Russian linguistic consciousness. *Concept*, 3: 371—375. (In Russ.).
- Kharitonov, L. N. (1982). *Grammar of the modern Yakut literary language. Phonetics and morphology*. Moscow: Nauka. 496 p. (In Russ.).
- Klimenko, A. P. (1974). *Lexical systematics and its psycholinguistic study: textbook. the manual*. Minsk: MGPIIA. 108 p. (In Russ.).
- Kolesov, V. V. (2014). *Dictionary of Russian mentality. In 2 volumes*. St. Petersburg: Zlatoust. 27 cm. ISBN 978-5-86547-687-0. (In Russ.).
- Kononenko, M. *Happiness is*. Available at: <https://russian.rt.com/opinion/845515-kononenko-uchenie-programma-schastye> (accessed 28.08.2024). (In Russ.).

- Konopelko, I. P. (2019). *Comparative analysis in language research and teaching*. Voronezh: RHYTHM. 226 p. ISBN 978-5-6042729-6-1. (In Russ.).
- Krasnykh, V. V. (2002). *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: A course of lectures*. Moscow: Gnosis. 284 p. ISBN 5-94244-009-3. (In Russ.).
- Leontyev, A. A. (1977). General information about associations and associative norms. In: *Dictionary of associative norms of the Russian language*. Moscow: Moscow State University. 5—16. (In Russ.).
- Leontyev, A. A. (1993). Linguistic consciousness and the image of the world. In: *Language and consciousness: paradoxical rationality*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 16—21. (In Russ.).
- Lurie, S. V. (1997). *Historical ethnology*. Moscow: Aspent Press. 448 p. (In Russ.).
- Makhovikov, D. V. (2011). *Ethnocultural specificity of the image of "happiness" (based on the material of the linguistic consciousness of Russians and French)*. PhD Diss. Moscow. 132 p. (In Russ.).
- Meara, P. (1982). 'Word Associations in a Foreign Language: A Report on the Birkbeck Vocabulary Project.' *Nottingham Linguistic Circular*, 11 (2): 29—37.
- Menenti, L. (2006). 'L2-L1 Word Association in Bilinguals: Direct Evidence'. *Nijmegen CNS*, 1: 45—56.
- Navilnikova, D. I. (2009). Presentation of paradigmatic and syntagmatic connections as a way of interpreting the results of an associative experiment. *Siberian Philological Journal*, 2: 201—205. (In Russ.).
- Nikaeva, T. M. (2013). *Ethnocultural specificity of the image of oneself and the image of another in the linguistic consciousness of Russians, Yakuts, Evenks and Evens*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 24 p. (In Russ.).
- Noskova, N. A., Akhidzhakova, M. P. (2016). Mentality as the basis of the concept. "Linguistic consciousness". *Bulletin of the Adygea State University. Series. "Philology and Art History"*, 4 (187): 83—88. (In Russ.).
- Ondar, N. M. (2004). *Paired words in the Tuvan language*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 19 p. (In Russ.).
- Ovchinnikova, I. G. (2006). The structure of the mental lexicon: age dynamics of associative connections. *Psycholinguistic aspects of the study of speech activities*, 4: 85—92. (In Russ.).
- Palkin, A. D. (2010). *Russia and Japan: the dynamics of morals*. Moscow: Natalis. 432 p. ISBN 978-5-8062-0329-9. (In Russ.).
- Palkin, A. D. (2020). The image of a mother in the linguistic picture of the world of Russians and Japanese. *Bulletin of the NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 18 (1): 71—83. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2020-18-1-71-83>. (In Russ.).
- Pranoto, B. E., Afrilita, L. K. (2018). The Organization of Words in Mental Lexicon: Evidence from Word Association Test. *Teknosastik*, 16 (1): 26—33.
- Scriabina, A. A. (2021). *Concepts of DIOL 'HAPPINESS' — SORA 'MISFORTUNE' in Yakut linguoculture*. PhD Diss. Yakutsk. 160 p. (In Russ.).
- Sergieva, N. S. (2006). Semantic gestalt and the core of the linguistic consciousness of Russians. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences*, 2 (57): 160—165. (In Russ.).
- Tarasov, E. F. (2000). Actual problems of the analysis of linguistic consciousness. In: *Linguistic consciousness and the image of the world*. Moscow: [b. i.]. 24—32. (In Russ.).

- Timofeeva, I. Y. (2020). The concept of “happiness” in Russian culture. In: *Innovative aspects of the development of science and technology: A collection of selected articles of the II International Scientific and Practical Conference, Saratov, November 24, 2020*. Saratov: NOO “Digital Science”. 186—194. ISBN 978-5-93856-316-2. (In Russ.).
- Ubraytova, E. I. (1948). On some features of the basis of the word in the Yakut language. *Izvestia of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language, VII (6)*: 551—567. (In Russ.).
- Ubraytova, E. I. (2011). Paired words in the Yakut language. In: *Selected works. Research on Turkic languages*. Novosibirsk: NSU Publishing House. 282 p. (In Russ.).
- Ufimtseva, N. V. (2011). *Linguistic consciousness: dynamics and variability*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 252 p. ISBN 978-5-905697-03-6. (In Russ.).
- Ufimtseva, N. V. (2000). Linguistic consciousness and the image of the world of the Slavs. In: *Linguistic consciousness and the image of the world*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 207—219. (In Russ.).
- Ufimtseva, N. V. (2003). Linguistic consciousness as a reflection of ethnosociocultural reality. *Questions of psycholinguistics, 1*: 102—111. (In Russ.).
- Ufimtseva, N. V., Tarasov, E. F. (2009). Problems of studying linguistic consciousness. *Questions of psycholinguistics, 2*: 18—25. (In Russ.).
- Veenhoven, R. (1991). Is Happiness Relative? Social Indicators Research: An International and Interdisciplinary. *Journal for Quality-of-Life Measurement, 24 (1)*: 1—34. DOI: 10.1007/BF00292648.
- Vezhbitskaya, A. (1996). *Language. Culture. Cognition*. Moscow: Russian Dictionaries. 416 p. ISBN 5-89216-002-5. (In Russ.).
- Vitkov, V. N. (2019). *Bird of Happiness. Echo of the North*. Available at: <https://www.echo-severa.ru/2019/09/07/5d70d6faeac9121cd63f9c83.html> (accessed 08/28/2024). (In Russ.).
- Vorkachev, S. G. (2004). *Happiness as a linguistic and cultural concept*. Moscow: ITDGC “Gnosis”. 192 p. ISBN 5-94244-002-6. (In Russ.).
- Wierzbicka, A. (2004). ‘Happiness’ in Cross-Linguistic & Cross-Cultural Perspective. *Daedalus, 133 (2)*: 34—43.
- Yan, K., Zhang, B. (2023). The idea of happiness in the linguistic consciousness of native speakers of Russian culture: a psycholinguistic aspect. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics, 22 (1)*: 108—122. DOI: 10.15688/jvol-su2.2023.1.9. (In Russ.).
- Yao, J. (2019). The concept of happiness in Russian and Chinese linguistic consciousness. *BGJ, 4 (29)*: 312—315. DOI: 10.26140/bgj3-2019-0804-0071. (In Russ.).

*The article was submitted 28.06.2024;
approved after reviewing 25.09.2024;
accepted for publication 16.10.2024.*